

Научная статья

УДК 94

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-89-100

Эволюция взглядов руководства Японии на военную угрозу со стороны России в 1895–1916 годах

Александр Геннадьевич Зорихин

Независимый исследователь
Комсомольск-на-Амуре, Россия

tsunami77@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7361-7237>

Аннотация

Рассматриваются взгляды высшего руководства Японии на степень военной угрозы России в 1895–1916 гг. Автор приходит к выводу об определяющем влиянии опасений правительства Японской империи по поводу военного столкновения с нашей страной на процесс выработки и реализации внешнеполитического курса этого островного государства в рассматриваемый период. Основными причинами выступали наличие взаимных территориальных претензий на сопредельные Маньчжурию и Корею, рост группировки войск царской армии за Байкалом в ответ на обострение отношений с Японией, влияние русско-британских и японо-американских противоречий. Окончательное урегулирование всех спорных вопросов между Санкт-Петербургом и Токио произошло только после Русско-японской войны в 1907–1912 гг., а переброска царских войск с Дальнего Востока на запад в 1914–1915 гг. и поддержка Россией японских притязаний на немецкие колонии в Китае в начале Первой мировой войны привели к образованию в 1916 г. союзного русско-японского военного блока.

Ключевые слова

военное планирование, Россия, Япония, Маньчжурия

Для цитирования

Зорихин А. Г. Эволюция взглядов руководства Японии на военную угрозу со стороны России в 1895–1916 годах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 89–100. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-89-100

The Evolution of Views of the Japanese Leadership on the Military Threat from Russia in 1895–1916

Alexander G. Zorikhin

Independent Researcher
Komsomolsk on Amur, Russian Federation

tsunami77@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7361-7237>

Abstract

The article examines the views of the top leadership of Japan on the degree of military threat to Russia in 1895–1916. The author concludes about the decisive influence of the fears of the Japanese Empire government about a military clash with Russia on the process of developing and implementing the foreign policy of this island state in this period. The main reasons for this were the presence of mutual territorial claims to neighbouring Manchuria and Korea in 1895–1903, the growth of the grouping of troops of the Tsarist army beyond Lake Baikal in response to the aggravation of relations with Japan from 1896 which lasted until 1914, the influence of Russian–British and Japanese-

© Зорихин А. Г., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 89–100
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 89–100

American contradictions. Therefore, since 1902, the Japanese government has been laying the basis for the defense strategy and foreign policy of the assumption of an inevitable military conflict with Russia, where Tokyo was either a victim of aggression or forced to deliver a preemptive strike on the side. In accordance with their ideas about the aggressive nature of Russian foreign policy, in 1895–1903 and in 1907–1914, the military and political leadership of the empire adopted and implemented programs for the development of the Armed Forces aimed at achieving military parity with Russia in the Far East. Nevertheless, after the Russian-Japanese war, the Imperial Navy began to increasingly declare the need to consider not only Russia, but also America as the main enemy. The final settlement of all disputed issues between St. Petersburg and Tokyo occurred only after the signing of secret agreements on the division of spheres of influence on the continent in 1907–1912, and the transfer of Tsarist troops from the Far East to the West in 1914–1915 and Russia's support of Japanese claims to German colonies in China at the beginning of the First World War led to the formation of the Russian-Japanese military bloc in 1916.

Keywords

military planning, Russia, Japan, Manchuria

For citation

Zorikhin A. G. The Evolution of Views of the Japanese Leadership on the Military Threat from Russia in 1895–1916. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 89–100. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-89-100

Введение

Первая четверть XX в. стала периодом непростых испытаний для российско-японских отношений: полномасштабная война 1904–1905 гг. закончилась поражением царской армии и утратой южной части о. Сахалин, а интервенция Японии на советский Дальний Восток (1918–1922) нанесла значительный ущерб экономическому развитию нашей страны.

Однако высшее руководство Японской империи регулярно корректировало оценку степени военной угрозы России своей безопасности, что определяло динамику охлаждения / потепления двусторонних контактов и в итоге привело к подписанию 25 января 1925 г. Пекинской конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией. И если события интервенции получили достаточное освещение в историографии, то период 1895–1916 гг. нуждается в дополнительном изучении в свете новых источников – хранящихся в архивах МИД и Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны Японии донесений офицеров разведки о наращивании русского военного присутствия в Корее (1903), докладной записки председателя Тайного совета маршала Ямагата Аритомо (1907) и служебных документов Генерального штаба (1909, 1911, 1912, 1914) о степени российской военной угрозы и необходимых мерах по укреплению Вооруженных сил Японии, а также неопубликованной рукописи «История японо-русской войны» подполковника Сигэясу Акиносукэ (1939)¹.

На пути к Русско-японской войне

До 1895 г. русско-японские отношения развивались в целом в благожелательном для обеих империй ключе, а главной целью Токио являлась колонизация соседней Кореи. Однако после вынужденного отказа Японии под давлением России, Германии и Франции в апреле 1895 г. от захваченного в ходе японо-китайской войны Ляодунского полуострова у руководства империи возникли серьезные опасения по поводу возможного столкновения с Санкт-Петербургом за Северо-Восточную Азию, и это обстоятельство заставило его серьезно задуматься об усилении армии и флота.

На этом, в частности, настаивал военный министр Ямагата Аритомо, который 15 апреля 1895 г., т. е. за неделю до «Тройственной интервенции», представил докладную записку императору, предложив в ответ на завершение в скором времени строительства Транссиба и вероятное наращивание военного присутствия России, Франции и Великобритании в регионе

¹ Первыми в нашей стране документы из этих архивов ввели в оборот А. В. Полутов (1958–2016), Э. А. Барышев, Я. А. Шулатов и Ю. С. Пестушко.

усилить японские пехотные дивизии, насытить их артиллерией и увеличить штаты кавалерийских частей [Дайтоа сэнсэ..., 1967, с. 52–53].

После ухода Ямагата с поста военного министра 26 мая того же года дальнейшим проводником его идей укрепления армии стал заместитель начальника Генштаба Каваками Сороку. Он предложил увеличить численность сухопутных войск, так как через 10 лет «Россия, вероятно, намерена с севера вторгнуться в Маньчжурию, что совершенно очевидно в свете той главной движущей роли, которую она сыграла в Тройственном вмешательстве» [Токутоми Итиро, 1942, с. 164]. В результате тайных переговоров Каваками с премьер-министром Ито Хиробуми и лидерами парламентской партии Дзюто 31 марта 1896 г. парламент утвердил расходы на увеличение армии с 7 до 13 дивизий и формирование 2 кавалерийских и 2 артиллерийских бригад для достижения к 1904 г. военного паритета с Санкт-Петербургом на Дальнем Востоке [Дайтоа сэнсэ..., 1967, с. 53].

На этой же сессии был принят законопроект о выделении средств на модернизацию флота, за что ратовал начальник Бюро военно-морских дел Военно-морского министерства Ямамото Гомбээ, который еще в апреле 1895 г. представил своему министру записку о необходимости постройки 6 броненосцев, 12 броненосных крейсеров, 23 эсминцев и 63 миноносцев в силу высокой вероятности столкновения в ближайшие годы с Россией, Великобританией, Францией и Германией или с коалицией их флотов. Первый этап строительства ВМФ должен был завершиться в 1902 г., второй – в 1905 г. [Evans, Peattie, 1997, p. 57–58].

В последующие годы тревожные настроения в умах высшего руководства Японии, порожденные перспективой войны с Россией, только усиливались. Это было вызвано целым рядом сопутствующих факторов. Во-первых, в 1897 г. Санкт-Петербург начал строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), которая должна была закрепить экономическое освоение Маньчжурии и существенно сократить время на переброску резервов из европейской части страны на Дальний Восток. Во-вторых, командование русской армии в 1896 г. запустило программу усиления войск Приамурского военного округа (ВО), доведя их численность в 1896–1901 гг. с 38 200 до 80 900 человек [Авилов, 2017, с. 42]. В-третьих, подписанная в марте 1898 г. русско-китайская конвенция позволила Санкт-Петербургу разместить на Ляоунском полуострове сухопутные войска и превратить Порт-Артур в главную базу 1-й Тихоокеанской эскадры. И, в-четвертых, Россия в марте 1900 г. активизировала освоение Кореи, добившись от короля Коджона права на аренду части порта Масан, планируя превратить его в пункт базирования флота.

Высшее руководство Японии внимательно отслеживало усиление русского военного присутствия в регионе, получая достоверную информацию от разведорганов армии, флота и МИД (табл. 1). Более того, выступавший сторонником самых решительных мер, вплоть до нападения на Россию до окончания ею строительства Транссиба, Каваками 27 июля – 28 августа 1897 г. совершил официальную поездку в Приамурский ВО, в ходе которой посетил гарнизоны Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Никольск-Уссурийского (Уссурийска), Новокиевского (Краскино), осмотрел северный участок постройки Уссурийской дороги, а также встретился с действовавшей там агентурой японской разведки [Токутоми Итиро, 1942, с. 169; Авиллов, 2020]. Следствием возраставшей в армейских кругах военной тревоги стала разработка в 1900 г. Генштабом трех проектов плана войны против России, первый из которых предусматривал овладение Порт-Артуром 2-мя дивизиями, второй – переброску в Маньчжурию 10 дивизий и их наступление на Харбин, третий – высадку войск на севере Кореи или в Приморье с дальнейшим продвижением к Никольск-Уссурийскому [Тани Хисао, 1966, с. 94].

Однако, несмотря на алармистские настроения, руководство империи стремилось сохранить баланс в отношениях с Россией, задействуя весь комплекс военных и дипломатических мер: подготавливая Японию к худшему, оно в то же время при помощи осторожных и реалистических способов искало решение краеугольной для двух стран корейской проблемы, свидетельством чего стали договорённости с Санкт-Петербургом по поводу Кореи в 1896

и 1898 гг., которые ограничили русское проникновение на полуостров и закрепили за Токио привилегированный статус в торговле с этой страной [Окамото Сюмпэй, 2003, с. 72].

Таблица 1

Оценка военной разведкой Японии русской группировки войск на Дальнем Востоке, в Забайкалье и Маньчжурии в 1897–1902 гг.
(в скобках – реальное положение)

Table 1

Evaluation by the Japanese military intelligence of the Russian troops in the Far East, in Transbaikalia and Manchuria in 1897–1902
(real data is shown in parentheses)

Наименование	01.04.1897	01.06.1898	01.06.1900	01.12.1902
Пехотные и линейные батальоны	25 (24)	37 (37)	48 (48)	52 (52)
Крепостные батальоны	5 (5)	5 (5)	6 (6)	9 (10)
Кавалерийские эскадроны и сотни	18 (21)	34 (34)	34 (34)	34 (42)
Артиллерийские батареи	16 (16)	18 (18)	20 (20)	19 (19)
Крепостные артиллерийские роты	5 (5)	15 (13)	13 (13)	17 (17)
Орудия полевой артиллерии	120 (120)	136 (126)	148 (144)	146 (152)

Составлена по: [Русско-японская война..., 1910, с. 297–298, 307–314, 319–321]; Архив НИИО МНО Японии. Тюо-гундзи гёсэй сонота-283 (С15120226300). Л. 0031; (С15120226500). Л. 0079; Сэньэки-Нитиро сэньэки-75 (С13110417700). Л. 1253; М36-14-117 (С09123084200). Л. 0043–0045.

Прологом к Русско-японской войне стала, всё же, не Корея, а Маньчжурия, оккупированная Россией в ходе подавления так называемого «боксёрского восстания» в сентябре 1900 г. под предлогом обеспечения безопасности строительства КВЖД. Хотя 8 апреля 1902 г. Россия и Китай подписали соглашение о трехэтапном выводе русских войск из Маньчжурии, в августе того же года Токио предложил Санкт-Петербургу признать за ним только «железнодорожные интересы» в Маньчжурии, потребовав для себя полной «свободы действий» в Корее, с отказом России от какого бы то ни было вмешательства в корейские дела без аналогичного отказа Японии относительно Маньчжурии [Романов, 1947, с. 204]. Озабоченность империи расширением русского присутствия в Северо-Восточной Азии объяснялась информацией о неуклонном наращивании в 1900–1901 гг. группировки войск Приамурского ВО и Квантунской области, началом временной эксплуатации в 1902 г. КВЖД, стремлением России закрепиться в порту Масан и настойчивыми попытками «Русского лесопромышленного товарищества» запустить с 1901 г. концессионную вырубку леса на левом берегу р. Ялу. Поэтому в августе 1902 г. Генштаб обновил план боевых действий против России, предусматривавший:

«1. В случае достижения господства на Жёлтом и Японском морях основными силами сухопутных войск действовать в Маньчжурии, вспомогательными – на Уссурийском театре, преследуя цель разгромить полевую армию противника.

2. Для этого выделить: для Маньчжурского театра – 5 пехотных дивизий, для Уссурийского – 2 пехотные дивизии. Высадить их в Нампхо (в сезон ледостава – в Инчхоне) и Раджине.

3. Учитывая то, что наш флот, уклоняясь от решающего сражения, должен всецело обеспечивать безопасное судоходство через Цусимский пролив, следует рассмотреть вариант высадки войск на южном побережье Кореи и проведения наступательных операций оттуда»².

² Архив Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны (НИИО МНО) Японии. Сэньэки-Нитиро сэньэки-75 (С13110417700). Л. 1254–1255.

Кроме того, 30 января 1902 г. Япония заключила союзный договор с Великобританией, который намеревалась использовать для давления на Россию в решении корейской проблемы. В первой статье соглашения стороны признавали друг за другом право на вмешательство во внутренние дела Китая и Кореи ради защиты своих интересов, «если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-либо другой державы, либо беспорядки, возникшие в Китае или Корее». Вторая статья обязывала каждую из сторон соблюдать строгий нейтралитет, если другая сторона, защищая свои интересы в Китае или Корее, окажется в состоянии войны с третьей державой. В случае войны одного из союзников с двумя или более державами договор обязывал другую сторону оказать военную помощь³.

Тем временем отношения между Токио и Санкт-Петербургом стремительно ухудшались. В январе 1903 г. зашли в тупик переговоры по корейско-маньчжурской проблеме: царское правительство приостановило вывод войск из Маньчжурии ввиду «чрезмерной притязательности» августовского предложения Японии и спустя три месяца вынудило Пекин пересмотреть условия соглашения от 8 апреля 1902 г. Однако через неделю китайские власти под давлением Японии, Великобритании и США потребовали завершения эвакуации русской армии в ранее утвержденные сроки [Романов, 1947, с. 205–208].

Российско-китайские переговоры совпали по времени с поступившими в Токио сведениями о военном проникновении России в Корею и приостановке ею вывода войск из Маньчжурии. По линии военной разведки, в частности, 11 апреля 1903 г. резидент в Баодине майор Татибана Коитиро проинформировал Генштаб о том, что Санкт-Петербург не только не приступил ко второму этапу эвакуации армии, но даже увеличил численность ряда своих гарнизонов в Маньчжурии. 4 мая военный атташе в Корее майор Нодзу Сигэтакэ сообщил в Токио со ссылкой на резидента в приграничном Ыйджу капитана Хино Цуёси о приобретении Россией корейского поселка Йонгампо в устье р. Ялу для организации там военного интендантства, начала работ по вырубке леса в горах юго-восточнее Ыйджу и создания заслона возможному противодействию Японии. 21 мая Хино срочно выехал туда для проверки информации о появлении нескольких сотен русских солдат и 30 мая доложил о наличии в Йонгампо 80 русских, 20 корейских и 200 китайских строителей, вооружённых 300 винтовками [Тани Хисао, 1966, с. 35]⁴.

Эти сообщения вызвали сильное раздражение у японского кабинета министров. 12 августа 1903 г. в Санкт-Петербурге по инициативе Японии начались переговоры по маньчжурской и корейской проблемам. Однако царское правительство исключало Маньчжурию из сферы влияния Японии и предлагало подписать соглашение только по Корее, предусматривавшее совместное управление страной.

В ходе продолжившихся в Токио переговоров стороны не смогли достичь компромисса по вопросу присутствия русских войск в Маньчжурии и разделения сфер влияния в Корее, поэтому 12 декабря 1903 г. Россия устами посланника Р. Р. Розена заявила о нежелании идти на уступки относительно своего привилегированного положения в Маньчжурии и Корее [Романов, 1947, с. 209–260]. В немалой степени позиция России по Корее объяснялась тем обстоятельством, что, как отмечалось в «Памятной записке МИД» от 3 апреля 1903 г., «со взятием Порт-Артура и постройкой южной части Маньчжурской железной дороги Государю Императору благоугодно было указать, что устройство заслона в бассейне реки Ялу приобрело еще большее стратегическое и политическое значение, как владение местностью, находящейся во фланге наших коммуникаций с Порт-Артуром»⁵.

Получив в апреле 1903 г. сведения о приостановке вывода русских войск из Северной Маньчжурии, 12 мая начальник Генштаба Ояма Ивао представил императору, премьер-министру, военному министру и начальнику Морского Генштаба «Соображения о приведении в боевую готовность императорских войск», в которых обосновал необходимость немедлен-

³ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 178. Л. 3–4.

⁴ Архив МИД Японии. 5.2.2.0.10.001 (B07090602000). Л. 0018, 0044; (B07090602100). Л. 0128.

⁵ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 179. Л. 21.

ной мобилизации японской армии в ответ на попытки России путем угрозы применения силы заставить признать ее интересы в Маньчжурии и в перспективе распространить влияние на Корею. Поскольку Россия в июне – июле всячески избегала переговоров с Японией по спорным вопросам, 17 июля заместитель начальника Генштаба отдал приказ своим подчиненным в двухмесячный срок подготовить планы отправки японских войск в Корею [Тани Хисао, 1966, с. 36, 96].

В конце января 1904 г. начальник Генштаба получил телеграмму военного атташе во Франции майора Хисамацу Садакото об утверждении Николаем II плана боевых действий против Японии и наделении абсолютными полномочиями решительно настроенного на войну наместника на Дальнем Востоке Е. И. Алексеева [Там же, 1966, с. 103]. Для Ояма она стала *ultima ratio*, поэтому в представленном императору 1 февраля итоговом докладе «Оценка ситуации в Вооружённых силах России» он выступил за немедленное нападение на Россию, подкрепив свое предложение конкретными цифрами: против 88 пехотных батальонов, 35 кавалерийских эскадронов, 25 артиллерийских батарей со 188 орудиями русской группировки в Забайкалье, Приамурье, Приморье, Маньчжурии и на Квантуне Япония могла выставить 156 батальонов, 54 эскадрона, 106 батарей и 636 орудий, которые при дополнительной мобилизации резервистов, недостаточной пропускной способности Транссиба и быстром продвижении японских войск вглубь Маньчжурии и Кореи должны были упредить развертывание русской армии до паритетного уровня⁶.

Странный альянс

Победа в Русско-японской войне несколько снизила накал алармистских настроений у высшего руководства империи, однако породила в армейских кругах страх перед неизбежным реваншем России за столь бесславное поражение, поэтому еще в 1905 г. военный министр Тэраути Масатакэ предложил императору оставить в Южной Маньчжурии 6–7 пехотных дивизий [Asada Masafumi, 2010, p. 1289].

Его поддержал Ояма, представивший 26 февраля 1906 г. доклад императору о необходимости перехода от ранее действовавшей оборонительной стратегии к стратегии наступательной, мотивируя ее тем, что, даже если Россия «задумает по суше посягнуть на интересы империи в Маньчжурии и Корее и вспыхнет война, мы сможем предпринять наступление, разбить ее и обеспечить наши права в полном объеме». Ояма полагал, что главным театром военных действий будет Маньчжурия, где японским войскам предстоит атаковать основные силы противника и в кратчайшие сроки захватить важнейший транспортный узел Харбин. Кроме того, планировалось силами 1 армии в Корее сковать русскую группировку войск в Приморье, а в случае необходимости оккупировать Владивосток [Дайтоа сэно..., 1967, с. 130–131].

Хотя император одобрил этот проект и санкционировал оставление 2 дивизий на Ляодунском полуострове в составе войск Квантунского генерал-губернаторства и 2 дивизий – в составе Корейской гарнизонной армии, командование флота не разделяло позицию армейских кругов и полагало, что приоритетом военного строительства должно стать создание мощных ВМС для противодействия возрастающей угрозе со стороны США. По мнению флотских кругов, несмотря на победу в войне с Россией, Япония утратила превосходство на море, поскольку к 1907 г. ее флот насчитывал 20 броненосцев и броненосных крейсеров против 31 американского. Кроме того, флот настаивал на настойчивом проведении США политики открытых дверей в Китае и рост в 1905–1907 гг. негативных настроений в американском обществе в отношении японских мигрантов на западном побережье страны [Evans, Peattie, 1997, p. 146–148].

⁶ Архив НИИО МНО Японии. Сэньэки-Нитиро сэньэки-75 (С13110417700). Л. 1261–1264.

Расхождение мнений армии и флота потребовало от руководства Японии выработать единую концепцию строительства и применения Вооруженных сил, а также определить место России в системе военных угроз империи. Поэтому в 1906 г. сотрудник Генштаба подполковник Танака Гиити разработал, а в октябре того же года председатель Тайного совета Ямагата Аритомо доложил императору основные положения проекта «Курса национальной обороны империи».

1. Необходимо разработать план совместных боевых действий армии и флота, распределить между ними обязанности и принять за основу военной доктрины наступательную стратегию нанесения упреждающего удара по противнику или уничтожения его баз.

2. Главным противником остается Россия, которая попытается взять реванш за поражение («...хотя Россия и находится в состоянии затяжного национального кризиса, вызванного поражением, она прилагает значительные усилия для строительства флота, развития армии на Дальнем Востоке и нормализации работы транспортных органов. В случае оздоровления в кратчайшие сроки обстановки внутри государства это позволит ей задуматься о реванше, а параллельный прогресс в строительстве Транссибирской и Амурской железных дорог еще больше укрепит ее в этом намерении»).

3. В основу оперативного планирования против России следует положить действующий план от 26 февраля 1906 г., дополнив его пунктами о тесном взаимодействии с флотом.

4. В случае возникновения войны в Центральной Азии между Великобританией и Россией незамедлительно начать боевые действия против Санкт-Петербурга в соответствии с духом англо-японского соглашения, воздерживаясь при этом от отправки сухопутных войск на среднеазиатский театр [Дайтоа сэно..., 1967, с. 141–149].

После серии совещаний между командованием армии и флота «Курс» в апреле 1907 г. был утвержден императором. Согласно новой военной доктрине, главным сухопутным противником Японии объявлялась Россия, которая, «несмотря на возникшие после поражения в кампании 1904–1905 гг. крупные внутренние волнения, имеет сегодня на Дальнем Востоке даже более мощную, чем перед войной, группировку войск, кроме того, планирует проложить Амурскую железную дорогу и возродить там свой флот, чтобы, когда представится шанс, без колебаний взять реванш за разгром и ущемить наши права в Маньчжурии и Корее». Однако флот настоял, чтобы в список потенциальных противников также вошли США, Германия и Франция. «Курс» предусматривал поддержание армии в мирное время на уровне 25 пехотных дивизий и увеличение их числа в начале войны до 50, из которых 40 предназначались против России. Японский флот получил одобрение императора на строительство 8 броненосцев и 8 броненосных крейсеров, что теоретически могло уравнивать его силы в войне с США⁷.

Несмотря на принятие «Курса», закреплявшего за Россией статус главного противника на суше, японское правительство стремилось к нормализации отношений с Санкт-Петербургом, рассчитывая с его помощью остановить экспансию американского капитала в Китай. Во многом к этому шагу Японию подталкивала позиция Лондона, который, формально оставаясь союзником Токио в рамках англо-японского договора о взаимопомощи, на деле не желал обострять отношения с Вашингтоном и нагнетать напряженность на Дальнем Востоке.

В июле 1907 г. Россия и Япония подписали секретное соглашение о разделении Маньчжурии на северную (российскую) и южную (японскую) сферы влияния. Кроме того, Россия обязалась не мешать дальнейшему развитию «отношений политической солидарности» между Японией и Кореей, в то время как Япония признала «особые интересы» России во Внешней Монголии. Развитием этих договорённостей стало соглашение от 4 июля 1910 г. о сохранении статуса-кво в Маньчжурии и одобрении японской аннексии Кореи. Спустя 2 года обе державы заключили еще один секретный договор о разделении Монголии по пекинскому

⁷ Архив НИИО МНО Японии. Бунко-Миядзаки-39 (С14061024500).

меридиану на восточную (японскую) и западную (российскую) сферы влияния [Verton, 1993, p. 58–59].

Следует отметить, что Россия сама активно предпринимала встречные шаги по нормализации отношений с Японией, поскольку в верхах долгое время витала идея о планах Токио возобновить боевые действия на северо-востоке Китая, усиленно культивируемая занимавшим в 1905–1910 гг. должность Приамурского генерал-губернатора и по совместительству командующего войсками Приамурского военного округа П. Ф. Унтербергером.

Жестом доброй воли стал досрочный вывод Санкт-Петербургом в марте 1907 г. русских войск из Маньчжурии в соответствии с Портсмутским договором 1905 г. В ответ Япония возвратила на территорию метрополии в марте – сентябре того же года 2 пехотные дивизии из Кореи и с Ляодуна, что придавало ее группировке войск на континенте выраженный оборонительный характер.

Можно утверждать, что вплоть до начала Первой мировой войны высшее руководство Японии сохраняло двойственное отношение к нашей стране. С одной стороны, оба государства закрепили официальными и секретными соглашениями раздел сфер влияния в Северо-Восточной Азии, с другой стороны, Японская империя продолжала опасаться нападения России и внимательно наблюдала за ростом ее военного присутствия на Дальнем Востоке, которое, по оценкам разведорганов армии, двукратно увеличилось за прошедшее с начала Русско-японской войны десятилетие, хотя и не шло в сравнение с ситуацией на момент подписания Портсмутского договора (табл. 2).

Таблица 2

Оценка военной разведкой Японии русской группировки войск на Дальнем Востоке, в Забайкалье и Маньчжурии в 1904–1914 гг.

Table 2

Evaluation by the Japanese military intelligence of the Russian troops in the Far East, in Transbaikalia and Manchuria in 1904–1914

Наименование	01.02.1904	01.09.1905	01.01.1914
Пехотные батальоны	88	627	160
Кавалерийские эскадроны и сотни	35	221	37
Артиллерийские батареи	25	264	96

Составлена по: Архив МИД Японии. 5.1.10.0.5.2 (B07090479800). Л. 0109; Архив НИИО МНО Японии. Сэньэки-Нитиро сэньэки-75 (C13110417700). Л. 1261–1264; М37-424 (C09050707500). Л. 0834–0841. Данные за январь 1914 г. приведены для Иркутского и Приамурского военных округов, не считая 60 рот, 36 сотен и 4 батарей Заамурского округа пограничной стражи.

Более того, в 1911–1914 гг. Военное министерство и Генштаб неоднократно ставили перед кабинетом министров и парламентом вопрос о необходимости наращивания армии, мотивируя ее именно исходящей от России угрозой. Поводом к этому послужило то обстоятельство, что, несмотря на спланированное в «Курсе» увеличение числа пехотных дивизий мирного времени с 17 до 25, из-за финансовых затруднений Военному министерству удалось сформировать только 2 дополнительные дивизии в 1907 г., после чего усиление боевого потенциала японской армии временно прекратилось.

Так, в апреле – мае 1911 г. Генштаб подготовил два совершенно секретных проекта плана мероприятий по наращиванию боеспособности сухопутных войск и развитию транспортной инфраструктуры в Маньчжурии и Корее, в которых его составители отмечали: «Россия следует заветам императора Петра I и, захватывая территории, стремится выйти к незамерзающим портам [...] Она повернула свой взор на Дальний Восток, давно желая получить выход к Тихому океану. Проведя подписку на гигантский иностранный займ, она удачно построила

Сибирскую железную дорогу, а затем, воспользовавшись истощением Китая, организовала Тройственную интервенцию. В качестве награды Россия с помощью жестких мер дипломатического давления завладела Ляодунским полуостровом, начав работы по его соединению со своей европейской частью [...] Застигнутая врасплох нашим внезапным нападением, Россия, в итоге, серьезно остановилась [в своем продвижении на восток] и, можно только представить, в какое отчаяние впала: большая Россия проиграла маленькой, слабой, отсталой Японии [...] Глубина и сила обиды всех слоев населения России к нам таковы, что, само собой разумеется, как это несложно предположить, они были всецело поглощены желанием смыть позор поражения. Хотя сейчас, к счастью, заключены японо-российские соглашения и на Востоке нет тех вопросов, которые могут привести к взаимному столкновению, утверждать, что у России нет намерений отомстить нам, было бы опрометчиво»⁸.

Больше всего японский Генштаб пугала возросшая мощь русской армии в целом и ее возможностей по переброске войск на Дальний Восток. Если раньше Вооружённые силы России насчитывали 31 армейский корпус, 63 дивизии, 18 отдельных и 24 запасные пехотные бригады, что позволяло им в период войны развернуться в 104 дивизии, то, по данным Генштаба Японии, на начало мая 1911 г. царская армия имела уже 37 корпусов, 70 дивизий и 18 отдельных бригад, или 1 200 000 человек, которые в угрожаемый период превращались в 114 дивизий (3 000 000 человек). В противовес прежним 16 армейским корпусам (34 дивизии), которые Санкт-Петербург во время войны мог сосредоточить в Маньчжурии, по новому расписанию, как полагала японская разведка, в боевых действиях на Дальневосточном и Маньчжурском театрах могли принять участие уже 35 корпусов (70 дивизий), причем русская сторона успевала перебросить их раньше японской даже несмотря на незавершенность работ по строительству Амурской железной дороги и второго пути Транссиба⁹.

Позицию центральных органов военного управления поддержал в июле 1911 г. влиятельный глава Тайного совета Ямагата Аритомо, высказав кабинету министров свое мнение о том, что «Россия питает к нам ненависть во всех слоях общества... и рано или поздно она неизбежно попытается отомстить [за поражение в Русско-японской войне]» [Asada Masafumi, 2010, p. 1297].

Те же аргументы легли в основу новых предложений Военного министерства правительству от 23 ноября 1912 г. и 28 января 1914 г. по наращиванию армии: Россия, хотя и потерпела поражение на Дальнем Востоке, не застыла в мертвой точке, а сразу после войны спланировала строительство второй колеи Транссиба, возведение Амурской железной дороги, открытие водного сообщения по всем рекам Маньчжурии, Монголии и Сибири, что, хотя и объясняется необходимостью промышленного развития региона и переселения крестьян, фактически служит военным целям. Через 4 года, когда закончатся работы на Транссибе и Амурской железной дороге, она сможет за 4–5 месяцев сосредоточить на равнинах Северной Маньчжурии свыше 1 000 000 военнослужащих и необходимые им конский состав и вооружение¹⁰.

Сохранявшееся и усиливавшееся из года в год превосходство русской армии над японской на Маньчжурском и Корейском театрах определяло единственно возможную с точки зрения императорского Генштаба стратегию упреждающего нападения. Как и в оперативном плане 1907 г., в основе аналогичной разработки на 1910 г. лежал сценарий, при котором в случае начала войны из метрополии морем в Южную Маньчжурию через Корею, Дайрэн и Люшунь перебрасывалась группировка войск Маньчжурской армии в составе 18 пехотных, 3 запасных пехотных дивизий, 4 кавалерийских, 5 артиллерийских бригад и других частей, после чего она под прикрытием соединений Квантунского генерал-губернаторства разворачивалась

⁸ Архив НИИО МНО Японии. Бунко-Миядзаки-48 (С14061030400). Л. 0390–0392.

⁹ Там же. Л. 0411–0413.

¹⁰ Архив НИИО МНО Японии. Бунко-Миядзаки-53 (С14061034400). Л. 0411–0413; Бунко-Миядзаки-56 (С14061035600). Л. 0922. Однако до 1916 г. реальные шаги по наращиванию боеспособности сухопутных войск Японии так и не были приняты.

в районах Сыпин, Чанту, Кайюань, Хайлун, Телин и затем выступала навстречу вторгшемуся противнику, чтобы дать решающее сражение в центральной части Маньчжурии и захватить Харбин. Одновременно с переброской Маньчжурской армии на севере Кореи под прикрытием Корейской гарнизонной армии высаживалась Северная армия в составе 1 пехотной, 1 запасной пехотной дивизий, 1 запасной смешанной бригады и других частей, имея задачу сдерживать русские войска в Уссурийском крае, а при благоприятном развитии обстановки – захватить Владивосток¹¹.

Несмотря на сохранявшиеся у обеих стран опасения относительно возобновления боевых действий, с началом Первой мировой войны наметившееся русско-японское сближение достигло апогея. Используя нейтралитет России как союзника по Антанте, Япония значительно укрепила свои позиции в Китае, захватив в 1914–1915 гг. немецкую военно-морскую базу Циндао и восточную часть Внутренней Монголии, провинции Шаньдун и Фуцзянь. Япония также превратилась в основного поставщика легкого вооружения и боеприпасов для русской армии [Пестушко, 2003, с. 80–111].

Одним из факторов, обусловивших тесное сотрудничество двух стран в военной области, стало сокращение численности русских войск на востоке из-за перебросок отсюда наиболее боеспособных частей на запад в 1914–1915 гг., которые были своевременно вскрыты японской разведкой: уже 19 августа 1914 г. Токио узнал о мобилизации подвижного состава КВЖД для отправки на фронт армейского корпуса из Забайкалья, а 7 сентября – о спланированной переброске в действующую армию всех армейских корпусов Приамурского ВО, за исключением крепостных частей во Владивостоке и Приморье. В следующем году Генштабу Японии стало известно о восполнении убывших войск народными ополченцами, перебросенными на Дальний Восток, в Забайкалье и Северную Маньчжурию из европейской части страны¹².

К началу 1917 г. российско-японские отношения достигли апогея, свидетельством чего стал подписанный 3 июля 1916 г. союзный договор, секретная часть которого подтверждала на 5 лет достигнутые ранее договорённости и определяла превентивные меры на случай захвата Китая третьей враждебной страной. Япония и Россия также договорились об оказании друг другу военной помощи в случае нападения на одну из них третьей державы [Verton, 1993, p. 69]. Подписание этого договора стало гарантией неприкосновенности российских владений в Северо-Восточной Азии и позволило Петрограду беспрепятственно перебрасывать войска из-за Урала на Западный фронт, в то время как для Токио договор служил гарантией свободы действий в Китае.

Заключение

Таким образом, вводимые в оборот результаты исследований и архивные документы позволяют сделать вывод о том, что с 1895 г. высшее руководство Японии рассматривало нашу страну как главную угрозу ее интересам на континенте. Чтобы компенсировать военное превосходство России, империя в 1896–1904 гг. модернизировала армию и флот, однако до последнего стремилась урегулировать возникшие противоречия в Маньчжурии и Корее дипломатическими средствами. Несмотря на победу в кампании 1904–1905 гг., Токио продолжал опасаться России из-за всё возрастающей мощи царской армии на Дальнем Востоке, поэтому заключил в 1907–1912 гг. ряд соглашений с Санкт-Петербургом о разделении сфер влияния на континенте. Ослабление группировки русских войск на Дальнем Востоке и в Забайкалье в 1914–1915 гг. стало одним из ключевых факторов тесного сближения России и Японии в рамках Антанты.

¹¹ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-сакусэн сидо сонота-74 (С15120095800). Л. 2146–2181.

¹² Архив НИИО МНО Японии. Т3-1-54 (С08040000700). Л. 0037; (С08040011100). Л. 0257; Архив МИД Японии. 5.2.15.0.27.1.001 (В07091195300). Л. 0105.

Список литературы

- Авилов Р. С.** Численность войск Приамурского и Варшавского военных округов накануне русско-японской войны: опыт сравнительного анализа // Новый исторический вестник. 2017. № 1 (51). С. 40–50.
- Авилов Р. С.** Поездка помощника начальника Генерального штаба японской армии Каваками Сороку в Приамурский военный округ (1897 г.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. Т. 19, № 4. С. 934–951.
- Окамото Сьюмпэй.** Японская олигархия в русско-японской войне: Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2003. 319 с.
- Пестушко Ю. С.** Японо-российские отношения в годы Первой мировой войны, 1914–1917 гг. Хабаровск: Хабаровск. гос. пед. ун-т, 2003. 253 с.
- Романов Б. А.** Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 493 с.
- Русско-японская война 1904–1905 гг. Том 1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. СПб.: Тип. А. С. Суворина, Эртелев пер., д. 13, 1910. 857 с.
- Asada Masafumi.** The China – Russian – Japan Military Balance in Manchuria, 1906–1918 // Modern Asian Studies. 2010. Vol. 44, no. 6. P. 1283–1311.
- Berton P.** A New Russo-Japanese Alliance?: Diplomacy in the Far East During World War I // Sapporo, Acta Slavica Iaponica. 1993. Т. 11. P. 57–78.
- Evans D. C., Peattie M. R.** Kaigun: Strategy, Tactics and Technology in the Imperial Japanese Navy, 1887–1941. Annapolis: Naval Institute Press, 1997. 661 p.
- Дайтоа сэносо кокан сэнси. Дай 8. Дайхонъэй рикугумбу. 1. Сёва 15 нэн 5 гацу мадэ [戦史叢書 (大東亜戦争公刊戦史)。 第008巻。 大本営陸軍部<1>昭和15年5月まで]. Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Т. 8. Армейское управление Императорской верховной ставки. 1. События до мая 1940 г. Токио: Асагумо симбунся, 1967. 641 с. (на яп. яз.)
- Тани Хисао.** Кимицу нитиро сэнси [谷寿夫。機密日露戦史]. Секретная история русско-японской войны. Токио: Хара сёбо, 1966. 694 с. (на яп. яз.)
- Токутоми Иитиро.** Рикугун тайсё Каваками Сороку [徳富猪一郎。陸軍大將川上操六]. Генерал армии Каваками Сороку. Токио: Дайити коронся, 1942. 257 с. (на яп. яз.)

References

- Avilov R. S.** Pоеzdka pomoshchnika nachal'nika General'nogo shtaba yaponskoi armii Kavakami Soroku v Priamurskii voennyi okrug (1897 g.) [Trip of the Vice-Chief of the General Staff of the Japanese Army Kawakami Soroku to the Amur Military District]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of the RUDN. Series: History of Russia], 2020, vol. 19, no. 4, pp. 934–951. (in Russ.)
- Avilov R. S.** Chislennost voisk Priamurskogo i Varshavskogo voennykh okrugov nakanune russko-yaponskoi voiny: opyt sravnitel'nogo analiza [The number of troops of the Amur and Warsaw military districts on the eve of the Russian-Japanese war: the experience of comparative analysis]. *Novyi istoricheskii vestnik* [New Historical Bulletin], 2017, no. 1 (51), pp. 40–50 (in Russ.)
- Okamoto Shumpei.** Yaponskaya oligarkhiya v russko-yaponskoi voine [Japanese oligarchy in the Russian-Japanese War]. Transl. from Eng. Moscow, Tsentrpoligraf, 2003. 319 p. (in Russ.)
- Pestushko Yu. S.** Yaponno-rossiiskie otnosheniya v gody Pervoi mirovoi voiny, 1914–1917 gg. [Japanese-Russian relations during the First World War, 1914–1917]. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical Uni. Press, 2003. 253 p. (in Russ.)

- Romanov B. A.** Ocherki diplomaticheskoi istorii russko-yaponskoi voiny (1895–1907) [Essays on the Diplomatic History of the Russian-Japanese War (1895–1907)]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1947. 493 p. (in Russ.)
- Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. Tom 1. Sobytiya na Dal'nem Vostoke, predshestvovavshie voine, i podgotovka k etoi voine [Russian-Japanese War of 1904–1905. Volume 1. Events in the Far East, preceding the war, and preparations for this war]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina, Ertelev per., d. 13, 1910. 857 p. (in Russ.)
- Asada Masafumi.** The China – Russian – Japan Military Balance in Manchuria, 1906–1918. *Modern Asian Studies*, 2010, vol. 44, no. 6, pp. 1283–1311.
- Berton P.** A New Russo-Japanese Alliance?: Diplomacy in the Far East During World War I. *Sapporo, Acta Slavica Iaponica*, 1993, t. 11, pp. 57–78.
- Evans D. C., Peattie M. R.** Kaigun: Strategy, Tactics and Technology in the Imperial Japanese Navy, 1887–1941. Annapolis, Naval Institute Press, 1997, 661 p.
- Daitoa senso kokan senshi. Dai 8. Daihonei rikugumbu. 1. Showa 15 nen 5 gatsu made [戦史叢書 (大東亜戦争公刊戦史)。第008巻。大本営陸軍部<1>昭和15年5月まで]. The official history of the War in Great East Asia. Volume 8. Army Administration of the Imperial Supreme Headquarters. 1. Events until May 1940. Tokyo, Asagumo shimbunsha, 1967, 641 p. (in Jap.)
- Tani Hisao.** Kimitsu nichiro senshi [谷寿夫。機密日露戦史]. The Secret History of the Russian-Japanese War. Tokyo: Hara shobo, 1966, 694 p. (in Jap.)
- Tokutomi Iichiro.** Rikugun taisho Kawakami Soroku [徳富猪一郎。陸軍大将川上操六]. General Kawakami Soroku. Tokyo, Daiichi koronsha, 1942, 257 p. (in Jap.)

Информация об авторе

Александр Геннадьевич Зорихин, кандидат исторических наук

Information about the Author

Alexander G. Zorikhin, Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 14.02.2022;
одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 09.10.2023
The article was submitted on 14.02.2022;
approved after review on 15.10.2022; accepted for publication on 09.10.2023*